

А.В. Старцев

Алтайский государственный университет

**Русские предприниматели в Монголии:
социальный облик и общественно-
культурная деятельность**

Формирование облика русских предпринимателей, торговавших в Монголии во второй половине XIX — начале XX в., протекало в русле общих тенденций модернизации российского общества, в котором шел процесс складывания новой, отличавшейся от традиционной, системы ценностей. Утверждавшийся в России «дух капитализма», по словам крупного предпринимателя В.П. Рябушинского, «увеличивал деловую дисциплину и порядок, но зато подсушивал отношения, изгоняя патриархальность из амбаров и фабрик»¹.

Эти изменения исследователи характеризуют как процесс «духовной легитимизации капиталистического предпринимательства, ...вызревания в культуре специфических ценностных ориентаций, норм, поведенческих стереотипов, позволяющих принять эту деятельность как достойную и нравственную»². По мере укрепления своего имущественного положения деловые люди более активно включались в общественную жизнь, повышался их образовательный уровень, расширялась сфера духовных запросов и интересов.

Укрепление институциональных основ рыночного хозяйства изменяло не только характер социально-экономических отношений, но и способствовало формированию новых социально-психологических черт предпринимателей. В рассматриваемый период указанные тенденции в эволюции социального облика капиталистов являлись определяющими, хотя в разных местностях страны проявлялись неодинаково, и зависели от многих факторов, в том числе и от степени развития экономических отношений.

В Монголии, где способы капиталистического товарообмена тесно переплетались с традиционными, залогом успешной деятельности являлось не только наличие капитала и/или владение приемами «цивилизованной коммерции», но и знание языка, особенностей местного кочевого хозяйства, умение наладить отношения с населением и местной администрацией и т.д. Эти обстоятельства во многом детерминировали характер и степень участия торговцев в социально-культурной жизни, определяли их поведение, привычки и вкусы, формировали черты характера, особенности менталитета. В течение рассматриваемого периода здесь складывался тип предпринимателя, который по ряду параметров отличался от своего собрата, действовавшего на внутреннем рынке.

Представить обобщенный образ русского торговца в Монголии весьма непросто. До недавнего времени в исторической литературе социальный облик коммерсантов, особенно тех, кто проживал в провинции, трактовался преимущественно через призму их материальных устремлений, а их духовные запросы, по мнению исследователей, не шли далее «чувственных удовольствий» и «низкопробных развлечений»³. В полной мере данная характеристика относилась и к русским торговцам, работавшим в Монголии, где, по словам И.М. Майского, основным типом предпринимателя являлся «мелкий, провинциальный кулак, грубый, жадный, необразованный, готовый на все, ради собственного обогащения»⁴.

Бесспорно, комплекс основных ценностей торговцев группировался вокруг их стремления к получению прибыли. «Предприниматели хотят стремиться к процветанию и должны осуществлять наживу (даже если они и не поставили ее сознательно своей целью)»⁵, — подчеркивал В. Зомбарт. Но если предпринимательство как система включала в себя независимые от своего субъекта цели (стремление к прибыли), то конкретный предприниматель — это свободный субъект, который мог ставить перед собой любые задачи и руководствоваться в своей деятельности любыми мотивами, в том числе и нематериальными.

Контингент коммерсантов, работавших в Монголии, представлял собой пестрый конгломерат, состоявший из представителей всех социальных групп российского общества с преобладанием выходцев из непривилегированных сословий — мещан и крестьян. Среди них

встречались самые разные типы, в том числе и те, которые ставили цель «возможно больше нажать в наиболее короткое время, а затем уехать»⁶. Однако, кроме соображений выгоды, коммерсанты руководствовались и другими мотивами. Например, купец А.Д. Васенев, сообщая сотруднику Российской дипломатической миссии в Пекине А.С. Ваховичу о своем решении открыть торговлю в Улясутае, писал: «Не знаю, будет ли там порядочная торговля, но *привычка к степи невольно тянет меня в Монголию* (курсив мой — А.С.), хотя и в Бийске можно было бы заняться торговлей»⁷.

Эта «привычка к степи» представляла собой обширный комплекс мотивов и стимулов, среди которых ведущим, на наш взгляд, являлось сознание возможности ведения хозяйства в соответствии со своими представлениями о его содержании и эффективности. Фактическое отсутствие в Монголии законодательных и институциональных ограничений для предпринимательской деятельности давало шанс любому человеку, обладавшему достаточной энергией и инициативой, стать полновластным хозяином своего «дела» или, говоря словами крупнейшего теоретика предпринимательства Й. Шумпетера, создать «свою империю»⁸. Перспектива стать самостоятельным хозяином сохранялась и в начале XX в., несмотря на рост числа предпринимателей и усиление конкуренции между ними. «Еще и сейчас, — писал И.М. Майский, — чуть не каждый торговый служащий в Монголии мечтает о том, чтобы скопить немного денегжонок и начать «собственное дело»⁹.

Возможность заниматься делом, соответствующим своим интересам и установкам, преодолевать неблагоприятные обстоятельства и видеть конкретные результаты своих усилий — все это давало предпринимателю ощущение собственной состоятельности, самоуважения и позволяло реализовать себя как личность.

Таким образом, в «деле» реализовались не только материальные, но и духовные устремления капиталиста, что вызывало положительные эмоции и доставляло ему не меньшее удовлетворение, чем те «чувственные удовольствия», которые можно купить за деньги. «Все интересы человеческие связуются с успехом и неуспехом дела — от инстинкта самосохранения, до самых высших духовных потребностей, — подчеркивал философ И.А. Ильин. — ... Все страсти челове-

ческие включаются в этот хозяйственный процесс, и благородные и дурные, от реализации религиозно-художественных побуждений до честолюбия, тщеславия и скупости»¹⁰.

Например, улясутайский торговец Ф.И. Минин, по оценке профессора А.М. Позднеева, «к своему делу... пристрастился с такой силой и любил его так беззаветно, что принимал на себя, по-видимому, совершенно не требовавшиеся от него работы... Всегда серьезно относившийся к жизни..., аккуратный, абсолютно трезвый и в высшей степени уравновешенный, Федор Игнатьевич... представлял собою отличного торговца, способного с пользой повести принятое дело не только для себя, но и для русского имени»¹¹.

Образовательный уровень русских коммерсантов в Монголии был невысоким. В первые пореформенные десятилетия такое положение было характерно и для предпринимателей, действовавших на внутреннем рынке, где, по словам знатока купеческой среды П.А. Бурышкина, «будущих торгово-промышленных деятелей готовила сама жизнь, а не школьное обучение»¹². В Монголии большинство торговцев являлись жителями Бийска, Кяхты, Минусинска, с. Тунки — местностей, которые, по характеристике Г.Н. Потанина, представляли собой сибирское захолустье, бедное интеллектуальной жизнью¹³. По признанию самих коммерсантов, «торгующие в Монголии русские, действительно, поголовно невежественны», и среди них было «никак не более десятка людей кончивших городское училище, получивших среднее образование вовсе нет. Большинство хозяев и приказчиков едва умеют написать свою фамилию»¹⁴.

Торговцев, имевших какое-либо образование, было очень мало. Так, купец Н.И. Ассанов окончил Ирбитское уездное училище, И.А. Лушников — Троицкосавское реальное училище, И.С. Лебедев, И.И. Кряжев, С.П. Роголев — Бийское городское училище, Ф.И. Минин — сельскую церковно-приходскую школу¹⁵. Торговавший в Урге купец Т.Т. Прокин, являлся бывшим студентом Московского сельскохозяйственного института¹⁶. Подавляющее же большинство коммерсантов, среди которых были многие крупные предприниматели (Г.Г. Бодунов, И.Г. Игнатьев, А.Д. Васенев, Г.П. Сафьянов и др.), имели «домашнее» образование и никогда не учились в школе.

Постепенно предприниматели меняли свое отношение к просвещению и в конце XIX — начале XX в. уже стремились дать своим детям среднее или специальное образование. В Бийской гимназии учились дети купцов-«чуйцев» Н.И. Ассанова, Р.И. Кузнецова, А.Г. Бодунова, И.С. Лебедева, И.С. Кутергина, В.А. Кричевцева, В.И. Юрганова¹⁷. Сын купца А.Д. Васенева — Константин обучался в коммерческом училище в Петербурге, сын Ф.И. Минаина Михаил — на восточном факультете Петербургского университета, дочь В.И. Юрганова — Капитолина после окончания Бийской гимназии поступила на биологическое отделение Петербургских Бестужевских курсов и впоследствии стала ученым этнографом¹⁸.

Некоторые предприниматели стремились расширить свой кругозор и занимались самообразованием. По сведениям А.М. Позднеева, торговец Ф.И. Минин, «окончив курс всего лишь сельской церковно-приходской школы... старался засим развиться и обогатить свой ум познаниями, почему весь свой досуг он посвящал чтению книг, конечно, без разбора..., но читал он всегда с пониманием прочитанного»¹⁹. Интеллигентным человеком, сумевшим «приобрести солидную начитанность», считался минусинский купец Г.П. Сафьянов, который «получил известный вкус к хорошей книге и даже к науке», благодаря тесному знакомству и дружбе с политическими ссыльными, среди которых были известные исследователи Сибири и Монголии Д.А. Клеменц, П.А. Кропоткин, Ф.Я. Кон²⁰.

У некоторых торговцев имелись личные библиотеки. Так, библиотека братьев В.А. и М.А. Гилевых считалась самой крупной в г. Бийске²¹. Д.А. Клеменц, побывав в 90-х гг. в Улясутае, обнаружил у купцов Ф.И. Минаина и А.Д. Васенева «...небольшой, но отборный ассортимент произведений русских классиков»²². Обширную библиотеку, насчитывавшую около 1000 томов, имел в Хангельцике А.В. Бурдуков, в которой особенно богатым был раздел восточковедения²³. В библиотеке купца И.И. Корнакова помимо газет и журналов имелись ноты²⁴.

Непременным условием для успешной работы в Монголии было знание языка. Необходимость в людях, владевших языком, стала остро ощущаться после «открытия» Монголии для русских подданных и учреждения ургинского консульства. Именно консульство в лице Я.П. Шишмарева выступило инициатором организации в Урге шко-

лы переводчиков. По этому вопросу им был подготовлен специальный доклад для генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова, в котором обосновывалась необходимость открытия при консульстве школы переводчиков с монгольского, маньчжурского и китайского языков²⁵. Эта школа была открыта в 1864 г. и за 56 лет своего существования подготовила не менее 100 переводчиков²⁶.

Однако открытие Ургинской школы никак не решало проблемы языковой подготовки торговцев, и большинство из них, начиная свою карьеру в юношеском возрасте в качестве «торговых мальчиков» в лавках Урги, Кобдо и Улясутая, овладевали монгольским языком на практике. А.В. Потанина в своих записках сообщала, что приказчики русских фирм в Кобдо «хорошо говорят на этом языке, а некоторые даже с артистически верным произношением»²⁷. Исследователи отмечали, что «чуйцы», проводившие зимние месяцы в Бийске, на своих собраниях в купеческом клубе нередко общались между собой на монгольском языке²⁸.

Такой способ изучения языка имел определенные недостатки. Как правило, владение монгольским разговорным языком ограничивалось пределами, необходимыми для ведения торговых операций. По словам И.М. Майского, это был скорее своеобразный жаргон, представлявший «...смесь русских, монгольских, бурятских, алтайских и иных слов и выражений, так что понимать их новому человеку не всегда было легко»²⁹. Коммерсантов, умевших читать и писать по-монгольски были единицы. «К стыду нашему нужно сознаться, — писала А.В. Потанина, — несмотря на то, что граница с Монголией у нас простирается на 2000 верст, что наши сношения с ней начались 200 лет назад, мы не имеем ни словаря монгольского разговорного языка, ни грамматики, составленной не для студентов университета, а для людей практической деятельности, вроде хобдинских приказчиков»³⁰.

Насущная потребность в людях, владеющих монгольским языком, заставляла некоторых коммерсантов предпринимать определенные шаги для решения этой проблемы. По сообщению профессора А.М. Позднеева, торговец Ф.И. Минин «придумал оригинальный монгольский букварь, начал учиться читать и писать по-монгольски, и был необычайно рад выслушать от меня монгольскую азбуку по звуковому методу, основы монгольской грамматики

и особенно учение о долгих гласных и монгольском синтаксисе, которые казались ему необычайно трудными»³¹. Впоследствии Ф.И. Минин составил русско-монгольский словарь разговорного языка (около 5 тыс. слов), которым пользовались не только русские жители в Монголии, но и монголоеды³². В 1909 г. купец Н.И. Асанов изъявлял готовность пожертвовать крупную сумму для организации изучения монгольского языка при одном из учебных заведений Бийска, но этот план так и не был осуществлен³³. Некоторое время монгольский язык преподавался в Барнаульской торговой школе открытой в 1911 г.³⁴ Вопрос о преподавании монгольского языка обсуждался участниками межведомственного совещания в Петербурге, которое приняло решение об открытии в приграничных городах Сибири торговых школ с изучением монгольского языка, а при Троицкосавском реальном училище — параллельных классов монгольского языка для желающих³⁵. Однако это постановление из-за начавшейся мировой войны не было реализовано, и какой-либо системы языковой подготовки для работы за границей так и не было создано.

Несмотря на недостатки, указанная выше система торгового ученичества не только давала языковую подготовку, но и позволяла знакомиться с бытом и привычками местных жителей, заводить связи с простыми аратами, чиновниками и князьями. Для большинства предпринимателей была характерна высокая степень толерантности, которая, позволяла им достаточно быстро адаптироваться в иноязычной и инокультурной среде. В. Зомбарт, отмечая это качество необходимым для успешной коммерческой деятельности за границей, писал: «Всякая торговля, которая ведет далеко за пределы отчизны в чужие страны, ...воспитывает рациональный взгляд на жизнь и рациональный образ жизни, поскольку она непрерывно принуждает купца приспособляться к чужим нравам и обычаям, правильно выбирать место и средства»³⁶.

Приезжая в Монголию, русские купцы перенимали многие элементы жизни и быта кочевников, как более подходившие к местным условиям, будь то пища, одежда или жилища и, по выражению Г.Н. Потанина, начинали жить «по законам степи». Торговец, — писал он, — «ест недоваренное мясо со следами свежей крови, подобно дикому монголу, и питается толканом с маслом, который месит рукой в чайной чашке»³⁷. Ученый относился к этому недоб-

рительно, считая, что коммерсанты должны утверждать в среде кочевников более высокую культуру. Однако нельзя не признать, что именно такое поведение в условиях Монголии было наиболее рациональным, позволяло предпринимателям выживать при отсутствии элементарных атрибутов цивилизации и успешно вести свои торговые дела. В результате здесь складывался тип коммерсанта, характерными чертами которого, по словам священника Ф. Парнякова, были «быстрая приспособляемость к местной жизни, отличное знание языка, обычаев монголов, предприимчивость, настойчивость, спокойная уверенность в своих силах, любезность и гостеприимство»³⁸.

Некоторые русские поселенцы настолько вживались в местную среду, «омонголивались», что условия и правила кочевой жизни становились для них привычными и естественными. И.М. Майский описывал встречу с одним из таких русских, который жил безвыездно в Монголии 30 лет, попав сюда 8-летним мальчиком: «Он был одет в монгольские штаны и монгольские гутулы (сапоги), но рубаху носил русскую и на голове имел шапку, представлявшую нечто среднее между русским и монгольским покроем. Имя у него было монгольское — Санджимитеб, говорил он лучше по-монгольски, чем по-русски. Начиная разговор большей частью по-русски, но через несколько фраз переходил на монгольский язык. Наш переводчик говорил, что этот русский в совершенстве владел монгольским языком, даже лучше многих монголов»³⁹.

Данный пример представлял собой крайний случай, и большинство предпринимателей не доходило до такой степени «слияния со средой». Адаптируясь к природно-климатическим, экономическим и социокультурным условиям Монголии, они, в свою очередь, по мере возможности стремились утвердить привычные им экономические и бытовые порядки, и факты свидетельствуют, что «разлагающее влияние, которое оказывает торговля на традиционалистские жизненные навыки»⁴⁰, со временем становилось в Монголии все более заметным. «Невольно приходит в голову мысль, — писал в своем дневнике А.В. Бурдуков, — долго ли сыны степей будут свободно носиться по своим просторам, не задавит ли их, не прижмет ли к земле колесо всепоглощающей европейской цивилизации, которая надвигается со всех сторон на вольные степи Монголии»⁴¹.

В большинстве случаев контакты по поводу купли-продажи перерастали в неформальные дружеские отношения, и многие купцы имели друзей среди монголов, понимали их нужды и заботы, оказывали им помощь и поддержку. «В настоящее время, — сообщал профессору А.М. Позднееву купец И.Г. Игнатъев, — монголы к русским относятся совершенно иначе, не то что боятся, а более доверчивы, чем к китайцам. ...Монгол к русским прямо приезжает как к своим монголам по-дружески, на ночеву и более»⁴². Супруга кяхтинского купца И.И. Корнакова — Августа Дмитриевна, описывая события 1911 г. в Монголии, сообщала: «Ежедневно у нас пребывает не менее 10, 15 человек монголов, кто — по делу, кто — на перепутье выпить чашку чаю, кто — повидаться с другими или обменяться впечатлениями и слухами. ...Одним словом, мы невольно живем общими с ними интересами»⁴³.

Несколько по-иному складывались отношения с китайскими коммерсантами и должностными лицами. Большинство русских предпринимателей считали, что деятельность китайского торговоростовщического капитала в Монголии наносит вред монгольскому хозяйству и ведет к его упадку. Тем не менее, их отношения с китайцами нельзя назвать антагонистическими. Факты свидетельствуют, что нередко русские и китайские купцы осуществляли совместные операции и выступали как торговые партнеры. Некоторые русские коммерсанты предпочитали торговать в Монголии не русским, а китайским товаром, что вызывало раздражение у чинов местной и центральной администрации, считавшим такое поведение купцов «непатриотичным».

Также неплохо ладили русские и китайские торговцы на бытовом уровне — ходили друг к другу в гости, оказывали различные услуги и т.п. Так, в письме от 25 марта 1904 г. члену-распорядителю «Русско-монгольского товарищества» А.Д. Васеневу доверенный фирмы А.Г. Бодунов сообщал: «Отношения наши с китайцами очень хорошие. Мы давали властям обед на Новый год, 1 января. У них также обедали, у всех поочередно. Также со всеми торгующими находжусь в самых лучших отношениях»⁴⁴.

В то же время исследователи отмечали, что «в отношениях к русскому населению китайцы хотя и выглядят простаками и друзьями, но все это, конечно, в большинстве случаев восточная хит-

рость... Как не близок китаец к русскому, тем не менее он не упустит случая за спиной того же русского, будь он хотя и близкий друг, при случае обмануть, провести, и все, конечно, ради того же лишнего рубля»⁴⁵.

Большую помощь и поддержку китайцам русские торговцы оказали во время событий 1911 г. в Кобдо, когда местное население, узнав о провозглашении независимости Халхи, устроило серию погромов и грабежей китайских лавок, сопровождавшихся убийствами торговцев и их служащих. По сообщению А.В. Бурдукова, «многих китайцев спас... от верной смерти» доверенный фирмы Н.И. Ассанова Д.И. Ермолин, пользовавшийся большим авторитетом среди монголов. Когда толпа двинулась громить двор и склады крупной китайской фирмы Да-Шэн-ху, «лихой Ермолин с двумя-тремя казаками ворвался следом за первыми баргинцами, поставил у своих и кузнецовских (купца Р.И. Кузнецова. — А.С.) ворот по казаку. ...Он отобрал кожи и выгнал цериков, которые уходя ругали «Митрея» за то, что он больно дерется». Русские торговцы, во главе с В. Черепановым, не допустили грабежа китайского имущества в Улангоме и т.д.⁴⁶

Вместе с тем русские торговцы не упускали случая воспользоваться бедственным положением китайцев. Тот же Д.И. Ермолин, защищая китайцев, «пользуясь случаем, усиленно скупал за бесценок скот, товары и серебро, как у китайцев, так и у монголов»⁴⁷. Купец Р.И. Кузнецов за 30 тыс. руб. купил 3 двора со складами и товарами, А.С. Попов и А.И. Грехов очень дешево приобрели хорошо оборудованные помещения китайских фирм и т.д.⁴⁸

Такое поведение в условиях Монголии вполне укладывалось в понятие конкурентной борьбы. Подобным же образом поступали и китайские коммерсанты. По сведениям профессора А.М. Позднеева, самое богатое торговое учреждение в Улясутае Батур-дзян («дзян» — постоялый двор. — А.С.) было основано на русские деньги в 1870 г., когда торговцы, спасаясь от дунган, выехали из города, бросив товары на сумму 30 тыс. руб. «По выезде русских, — писал А.М. Позднеев, — хозяин дома, который был ими занят, воспользовался покинутыми товарами ... поправил старые здания в своем доме, построил новую ограду и открыл ныне существующий Батур-дзян»⁴⁹.

В 60–80-х гг. XIX в., когда шел процесс становления русско-монгольского товарообмена и складывания постоянного контингента русских торговцев за границей, их общественно-культурная деятельность не отличалась особой активностью и нередко инициировалась официальными властями в лице консульства и административных органов приграничных районов Сибири. Даже в Урге, где находилось русское консульство и сложилась наиболее многочисленная русская торговая колония, общественная инициатива была выражена весьма слабо. «Русская колония в Урге почти все время жила очень недружно между собой, — писал Г.М. Осокин. — ...Каждая фирма жила почти исключительно своими личными интересами, почему на почве общности и не замечалось почти никакого движения. Работа чередовалась только картами и вином... Вся жизнь колонии носила какой-то отпечаток временности и не шла дальше того, что было устроено на первых порах, как самое лишь необходимое»⁵⁰. Эту особенность отмечал и П.А. Бобрик, сообщавший в 1913 г., что «до самых последних лет на всей жизни ургинской колонии лежал отпечаток полной бессистемности и произвола случайных дельцов, не признававших в своей деятельности никаких иных принципов, кроме самого беззастенчивого эгоизма. Для них интересы общего русского дела в Монголии были совершенно чужды»⁵¹.

Еще более проблематично говорить о каких-либо устоявшихся формах общественной деятельности торговцев в северо-западной Монголии, где консульства отсутствовали, а русское население было рассеяно по хошунам, монастырям и ставкам князей. Описывая немногочисленную русскую колонию в Кобдо во второй половине 70-х гг. XIX в., А.В. Потанина сообщала, что единственным развлечением торговцев было «хождение друг к другу в гости выпить чаю и иногда, может быть, пройтись по рюмочке... Их интересы — выгодно купить и продать, удовольствие — выпить, прокатиться на бойкой лошади и поиграть в карты или в монгольскую игру «талы», что-то вроде домино»⁵².

Похожая картина наблюдалась в Улясутае. Сотрудник Российской миссии в Пекине А.С. Вахович, побывав здесь в 1880–х гг., отмечал, что вращаясь в своем узком, замкнутом мирке, торговцы и приказчики «от скуки и недостатка умственной пищи заводят дразги, взаимные ссоры и, что нередко случалось, пьянствуют и безоб-

различают»⁵³. Чтобы преодолеть их оторванность от внешнего мира, А.С. Вахович считал необходимым организовать регулярное почтовое сообщение между северо-западными областями Монголии и Россией, а ургинский консул Я.П. Шишмарев предполагал командировать в Улясутай одного из своих сотрудников, который «облегчил бы российским подданным пребывание там и расширение торговых предприятий»⁵⁴. Однако все эти предположения во второй половине XIX в. оказались нереализованными.

Слабая общественная деятельность русских торговцев в Монголии в рассматриваемый период была вполне объяснима. Большинство из них выезжали за границу только в весенне-летний период, и численность лиц постоянно проживавших в Монголии была невелика. Например, в середине 70-х гг. XIX в. в Кобдо насчитывалось не более десятка русских торговцев, преимущественно приказчиков крупных бийских фирм⁵⁵. В Монголии отсутствовали образовательные или культурные учреждения, не существовало периодической печати, а связи с Россией осенью и зимой практически полностью прекращались. Все это препятствовало развитию каких-либо устойчивых форм общественной деятельности.

По мере расширения торгово-экономических контактов положение стало изменяться в лучшую сторону. К началу XX в. русские колонии стали более многочисленными, а в городах Кобдо и Улясутае были открыты русские консульства. Все это породило необходимость организации досуга и способствовало активизации общественной инициативы.

После провозглашения независимости Халхи, по инициативе консульства в Урге было создано общественное самоуправление, ставившее целью «сплотить вокруг себя всю колонию в общем служении русскому делу и урегулировать назревшие общественные вопросы и нужды», а также учреждена русская полиция⁵⁶.

Для организации досуга здесь еще в 1903 г. был открыт «Русский клуб», где играл оркестр балалаечников и танцевали под граммофон, а в зимний период организовывались любительские спектакли. Была предпринята попытка создать даже монгольский оркестр под руководством русского капельмейстера, но она не увенчалась успехом⁵⁷. В 1913 г. здесь начал действовать кинематограф, который помимо русских охотно посещали китайцы и монголы. По словам

современника, побывавшего в 1914 г. на сеансе, «театр буквально не мог вместить всех желающих посмотреть на «дикивинные тени». Каждая картина встречалась с нескрываемым восторгом»⁵⁸.

Значительную роль в общественной жизни русской колонии в Урге играло приходское попечительство, созданное в 1915 г. по инициативе священника консульской Свято-Троицкой церкви Ф.А. Парнякова⁵⁹. Попечительство ставило задачи «ближе познакомиться с соотечественниками в Монголии, изучить их нужды и запросы, объединить их в тесные общины..., оказать им всякую религиозно-нравственную и культурно-просветительную поддержку»⁶⁰. В 1916 г. Ф.А. Парняков при финансовой поддержке ургинских фирм «Русское экспортное товарищество» и «Коковин и Басов» совершил поездку по Монголии для личного знакомства с состоянием общественной жизни, культурной и просветительной работы в местах проживания русских подданных.

Деятельность приходского попечительства, как и в целом российских церковных учреждений в Монголии, осуществлялась без каких-либо препятствий со стороны властей, и недоразумений на религиозной почве между русскими и монголами никогда не возникало. «К обрядам православной церкви монголы... относятся наружно с уважением..., — писал Г.М. Осокин. — Особенно часто приходится слышать их одобрение русскими, что последние не навязывают им своих религиозных убеждений и уважают буддийские»⁶¹. Некоторые русские предприниматели делали пожертвования в пользу буддийских монастырей. Так, бийский купец С.П. Роголев пожертвовал ковры для сиденья лам в храмах⁶², кяхтинский купец И.И. Корнаков в 1905 г. преподнес в дар буддийскому монастырю, расположенному в хошуне князя Намсарай-гуна, медный позолоченный ганджир, и это событие было записано на особой доске на стене храма⁶³.

В начале XX в. широкое распространение в русских колониях получили самодеятельные концерты и любительские спектакли. По сообщению А.В. Бурдукова, в 1912 г. группа энтузиастов из среды торговцев и торговых служащих поставила небольшой спектакль в Кобдо, который явился «первым русским спектаклем в этом городе»⁶⁴. В 1914 г. любительские спектакли устраивались в Улясутае в доме торгового старшины П.И. Игнатьева, и под его руководством был организован хор и оркестр струнных инструментов⁶⁵. В 1916 г.

здесь был создан комитет для организации образовательных чтений и проведения культурно-просветительных мероприятий, открыта библиотека-читальня и для пополнения ее фонда был произведен сбор пожертвований, составивших 2 тыс. руб.⁶⁶

Достаточно высокую общественную активность проявляли предприниматели в Цзаин-шаби и Ван-хурене, где сложились сравнительно многочисленные русские колонии. К 1916 г. в Цзаин-шаби имелась почта, общественная аптека, организована библиотека-читальня. На собрании колонистов под руководством торгового старшины Ф.Г. Балахнина было принято решение о строительстве здания, в котором должны были размещаться почта, общественные и культурно-просветительные организации. Для этой цели русские жители Цзаин-шаби и прилегающих местностей были обложены 50-рублевым годовым сбором, а фирма «Коковин и Басов» и купец Г.М. Свинин пожертвовали, соответственно, 2 тыс. и 500 руб. В Ван-хурене, где проживало около 100 русских подданных, среди которых насчитывалось 25 детей, предполагалось открыть начальную школу, фельдшерский пункт и общественную библиотеку-читальню. Все расходы по постройке и содержанию зданий для общественных учреждений колония брала на себя⁶⁷.

В начале XX в. значительно улучшилось положение с доставкой в Монголию российской периодической печати. В 70-х гг. XIX в. в Кобдо никто из русских не выписывал газет и они попадали туда случайно 2–3 раза в год⁶⁸, а в Улясутае, по свидетельству Г.Н. Потанина, только один из торговцев выписывал журнал «Нива», который доставлялся ему через Ургу⁶⁹. Даже в 90-х гг. выписка и доставка в Монголию периодической печати представляла большие трудности. Так, купец А.Д. Васенев, обращаясь к Г.Н. Потанину в 1890 г., писал: «Покорнейше прошу Вас попросить редакцию «Восточного обозрения» посылать мне газету через Ургинское консульство в Улясутай до первого сентября, а остальные номера направлять в Смоленскую почтовую станцию... Хорошо было, если бы Вы от себя попросили консульство о пересылке в Улясутай газеты, а то могут и не посылать»⁷⁰.

После открытия русских консульств в северо-западной Монголии, при которых, как правило, находились и почтовые отделения, многие предприниматели стали выписывать периодические издания.

В 1911 г. в Кобдо торговцы получали 8 газет и 6 журналов, в Улясутае — 17 экземпляров газет и журналов, в числе которых были газеты «Алтай», «Сибирская жизнь», «Жизнь Алтая», «Биржевые ведомости», «Русское слово»; журналы «Нива», «Огонек», «Родина»⁷¹. В 1912 г. кобдинское отделение фирмы Н.И. Ассанова не только выписывало газеты и журналы, но и организовало небольшую библиотечку для служащих⁷².

Важную роль в консолидации русских предпринимателей в Монголии играли торговые старшины, которые стали избираться из среды предпринимателей в конце 80 — начале 90-х гг. XIX в. Кандидатуры старшин утверждались консулом, они получали соответствующий документ и печать⁷³. От их авторитета, знания местных условий, умения находить общий язык с китайскими и монгольскими чиновниками во многом зависела не только торговая деятельность коммерсантов, но моральный климат в торговых колониях. Как отмечал Я.П. Шишмарев, обязанности торговых старшин были «сопряжены с большими затруднениями, потерю времени в ущерб своим делам и даже расходами. Помимо прямых старшинских обязанностей.., они представляют отчасти и агентов консульства, исполняя возлагаемые на них поручения не только по делам торговым, но и другим — до уголовных включительно, входя даже в сношения от имени консульства с китайскими и монгольскими властями; оказывают содействие ученым экспедициям и путешественникам, доставляют консульству сведения торговые и вообще о положении дел»⁷⁴.

Должность торговых старшин исполнялась на общественных началах, и никакого жалования они не получали. В качестве поощрения практиковалось награждение их медалями «За усердие» по представлению ургинского консула. Такие медали были «высочайше пожалованы» в разные годы торговым старшинам в Кобдо Н.И. Ассанову, Г.Г. Бодунову, в Урге — П.П. Игнатьеву, в Улясутае — А.Д. Васеневу, И.Г. Игнатьеву⁷⁵, а Н.И. Ассанов и А.Д. Васенев, кроме того, были награждены Цинским правительством орденами Двойного Дракона 4-й степени⁷⁶.

Наибольшая активность торговцев проявлялась в изучении Монголии. Разъезжая по стране с торговыми целями, многие из них записывали свои маршруты, вели путевые дневники, в которых содержались географические, исторические и прочие сведения. Эти

данные широко использовались русскими путешественниками и нередко включались в научные отчеты и публикации материалов экспедиций.

В 1876 г. бийский купец И.П. Котельников составил описание пути от Кобдо до Барнаула, а его приказчики А.Д. Васенев и Ерзовский записали маршруты поездок в Гучен, Сучжоу и Ганьчжоу. Путь от Кобдо до Гучена был описан К.И. Кузнецовым — приказчиком другого бийского купца В.А. Гилева. М.А. Гилев сообщил Г.Н. Потанину сведения о скотопрогонном пути от р. Чуи до р. Хархир, а купец Я.Е. Мокин — от Улангома до Улясутая⁷⁷.

Г.Н. Потанин высоко ценил сведения сообщаемые торговцами и считал, что они могут оказать серьезную помощь в деле исследования Монголии. Он призывал предпринимателей оказывать помощь научным экспедициям, составлял инструкции по ведению метеорологический наблюдений и собиранию гербариев. Находясь в Кобдо в 1876 г., он писал Н.М. Ядринцеву, что некоторые коммерсанты с пониманием относились к его предложениям по изучению страны. В частности, приказчик бийского купца В.А. Гилева — К.И. Кузнецов «...охотно соглашается вести мне метеорологический журнал», торговец В.А. Палкин «насобирал за зиму три тетради монгольских сказок» и Г.Н. Потанин предлагал привлечь его в качестве корреспондента газеты «Сибирь»⁷⁸.

В 1890 г. Г.Н. Потанин при финансовой поддержке фирмы «Коквин и Басов» подготовил сборник «Известий» ВСОРГО, в который вошли описания Монголии и Китая, составленные русскими предпринимателями Васеневым, Волосатовым, Воробьевым и Немчиновым. «В этом пока немногочисленном контингенте, — писал он в предисловии, — мы имеем людей, которые хорошо владеют монгольским разговорным языком и достаточно для своих целей ознакомлены с условиями местной общественной жизни; некоторые из этих лиц сумели завести знакомства с влиятельными в Монголии лицами и приобрести популярность среди кочевников. Несомненно, эти лица могли бы оказывать немалые услуги географии и содействовать накоплению наших знаний о Средней Азии»⁷⁹.

Некоторые торговцы не только записывали пройденные маршруты, но и проводили простейшие метеорологические наблюдения. По просьбе директора русской физической обсерватории в Пекине

Г.А. Фритше такие наблюдения в Улясутае вел купец Я.Г. Антропов⁸⁰, в Кобдо — К.И. Кузнецов, для которого Г.Н. Потанин специально написал термометр за счет Русского географического общества⁸¹.

Торговцы оказывали содействие научным экспедициям, сопровождали их в качестве проводников и переводчиков, снабжали лошадьми и продовольствием. «Благодаря их рекомендациям, — писал А.М. Позднеев, — я был своим человеком у многих необходимых мне чиновников из монголов и китайцев, не говоря уже о том что, зорко следя за интересами дня, они давали мне возможность приобретать себе руководителей, совершать покупки, нанимать подводы и пр. Словом, мне трудно даже и сказать, насколько меньше были бы достигнуты мною результаты, если бы я не встретил доброго участия русских людей... без их помощи, несомненно, много раз приходилось бы отступить от закрытых дверей, за которыми таился предмет познания»⁸².

По просьбе ученых и по собственной инициативе русские торговцы разыскивали редкие монгольские книги и рукописи, составляли торговые обзоры, собирали предметы быта и культа монголов. Обширную коллекцию предметов домашнего быта, охоты, промыслов сойотов, образцов грибов и растений, распространенных в Урянхайском крае, подарил Минусинскому музею Г.П. Сафьянов⁸³. Большое количество экспонатов было собрано А.В. Бурдуковым. В 1910 г. он отправил профессору В.А. Котвичу коллекцию дербетских вещей, в 1914 г. преподнес в дар Академии наук собрание икон и различных предметов буддийского культа. Целый ряд коллекций им был передан в музеи Томска, Иркутска и Бийска⁸⁴. К собиранию материалов по монголоведению А.В. Бурдуков привлек и других торговцев и торговых служащих: М.Д. Хомутова, В.Д. Оболенского, И.Я. Мокина, И.Д. Гуляева, И. Васильченко⁸⁵. Кроме этого, А.В. Бурдуков являлся автором многочисленных публикаций о Монголии в сибирской прессе, которые, по оценкам монгольского исследователя Б. Нямдоржа, давали «русским читателям и монголоведам подробную, точную, живую информацию» о событиях в стране. За период с 1911 по 1917 г. только в газетах «Алтай» и Сибирская жизнь» были помещены 55 его корреспонденций и путевых заметок⁸⁶. За активную работу по изучению Монголии Русское географическое общество наградило А.В. Бурдукова малой серебряной медалью⁸⁷.

Некоторые предприниматели входили в состав ученых обществ как исследователи Монголии. Действительным членом Русского географического общества являлся бийский купец И.П. Котельников⁸⁸. Другой купец-«чуец» Н.И. Ассанов являлся членом-корреспондентом Императорской Академии наук и в 1902 г. был награжден медалью «За усердие» «...вследствие оказанного особого содействия Д.А. Клеменцу при его путешествии по Монголии»⁸⁹. Членами Восточно-Сибирского отдела РГО являлись Г.П. Сафьянов⁹⁰, иркутский торговец Г.И. Посылин, который, по словам М.И. Боголепова и М.Н. Соболева, был «знатоком Монголии и условий странствия по ней»⁹¹. Кяхтинский купец А.М. Лушников был одним из учредителей Троицкосавского отдела РГО, а его сыновья Иннокентий и Александр путешествовали по Монголии, составляли карты, собирали этнографический и антропологический материал для музея Академии наук⁹².

Большой вклад в изучение Монголии и Китая внес бийский купец А.Д. Васенев, который почти 40 лет торговал за границей и прошел путь от «торгового мальчика» до купца 2-й гильдии, одного из наиболее опытных и авторитетных предпринимателей в Монголии. Он много занимался самообразованием, имел хорошую библиотеку и с большим уважением относился к наукам и знанию.

Во главе торговых караванов А.Д. Васенев обошел всю Монголию и Притяньшанские провинции Китая, почти три года прожил во Внутреннем Китае, о котором в России имелись самые общие представления. Во время своих увлекательных, полных приключений путешествий он вел путевые дневники, собирал образцы местных растений, проводил географические и метеорологические наблюдения, описывал исторические достопримечательности, собирал коллекции быта и культа китайцев и монголов. Одну из таких коллекций он в 1908 г. подарил Томскому университету⁹³. Немало средств А.Д. Васенев потратил на приобретение монгольских и китайских книг и рукописей, а также на помощь и финансирование научных экспедиций. Так, вместе с бийскими купцами Н.И. Ассановым и Г.Г. Бодуновым, он финансировал экспедицию в Монголию томских профессоров М.И. Боголепова и М.Н. Соболева, оказал помощь французской научной экспедиции Шаффанжона, американскому дипломату и исследователю У. Рокхиллу. А.Д. Васенев был хорошо знаком и сотрудничал со многими учеными-востокове-

дами и общественными деятелями России и Сибири. «Господина Васенева, — писал в 1900 г. Д.А. Клеменц, — знают все русские путешественники по Северной Монголии, начиная с Г.Н. Потанина и М.В. Певцова и оканчивая пишущим эти строки...»⁹⁴.

Высоко оценивал подвижничество и труды предпринимателя профессор А.М. Позднеев, хорошо знавший А.Д. Васенева. «Не нахожу слов, чтобы выразить Вам свою признательность и благодарность за память обо мне и за Ваши заботы о доставлении мне монгольских бумаг, — писал он ему в феврале 1896 г. — Трудно сказать, как много содействуете Вы этим делом нашему познанию Монголии... За все Вам спасибо пока от меня, а засим я постараюсь, чтобы поблагодарила Вас и Россия»⁹⁵.

Изучением Монголии занимались не только мужчины, но и женщины — члены семей предпринимателей. Супруга кяхтинского купца И.И. Корнакова — Августа Дмитриевна, прекрасно зная монгольский язык, изучала историю и этнографию страны, собирала песни и сказки монголов. В 1904 г. она была избрана в члены Троицкосавского отделения РГО и на его заседаниях сделала 7 докладов по этнографии, из которых 6 были опубликованы в трудах отделения. За свои труды по исследованию Монголии А.Д. Корнакова в 1911 г. была награждена серебряной медалью Географического общества⁹⁶. Дочь улясуйтского торговца В.И. Юрганова — Капитолина родилась и выросла в Монголии, свободно владела монгольским языком. Являясь слушательницей Бестужевских высших женских курсов в Петербурге, она во время летних каникул в 1911 г. собрала большую коллекцию растений (74 вида) и насекомых (4 тыс. экз.), которые были переданы в музей Академии наук и музей Сибирских высших женских курсов в Томске⁹⁷.

Таким образом, в течение рассматриваемого периода среди русских капиталистов, работавших в Монголии, наблюдался заметный рост интереса к общественной деятельности. Это находило выражение в финансовой поддержке учреждений просвещения и культуры, активной деятельности по изучению Монголии.

С ростом экономического могущества в предпринимательской среде вырабатывались новые социальные ценности и ориентиры, усложнялись духовные и интеллектуальные запросы, шел поиск средств и способов решения насущных общественных проблем. Как и в других территориальных и профессиональных группах сибирской

буржуазии, в среде торговцев, работавших в Монголии, наблюдался процесс консолидации с самостоятельной социальной ориентацией и своими стереотипами и правилами общественного поведения. И хотя процесс формирования особой предпринимательской субкультуры оказался незавершенным, главные черты предпринимательской этики, психологии и менталитета к 1917 г. проявились достаточно отчетливо.

Примечания

- ¹ Рябушинский В.П. Судьбы русского хозяина // Старообрядчество и русское религиозное чувство. – М.-Иерусалим, 1994. С. 129.
- ² Зарубина Н.Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М., 1998. С. 320.
- ³ Бойко В.П. К вопросу о социальной психологии крупной российской буржуазии второй половины XIX в. (по мемуарным источникам) // Из истории буржуазии России. Томск, 1982. С. 40.
- ⁴ Майский И. М. Современная Монголия. Иркутск, 1921. С. 203.
- ⁵ Зомбарт В. Буржуа / Пер. с нем. М., 1994. С. 131.
- ⁶ Болобан А.П. Монголия в ее современном торгово-промышленном отношении. Пг., 1914. С. 135.
- ⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Китайский стол. Д. 3212. Л. 239 об.
- ⁸ См.: Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982. С. 193.
- ⁹ Майский И. М. Указ. соч. С. 203.
- ¹⁰ Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 279–280.
- ¹¹ Петербургский филиал ИВ РАН (далее – ПФ ИВ РАН). Ф. 44. Оп. 1. Д. 139. Л. 24–25.
- ¹² Бурьшкин П.А. Москва купеческая: Мемуары. М., 1991. С. 106.
- ¹³ Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии. Вып. 1. СПб., 1881. С. X.
- ¹⁴ Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли. Томск, 1911. С. 245–246.
- ¹⁵ Даревская Е.М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX веков. Иркутск, 1994 С. 225; Центр хранения архивного фонда Алтайского края (далее – ЦХАФ АК). Ф. 179. Оп. 1. Д. 130. Л. 29 об.–30; Ф. 195. Оп. 1. Д. 2. Л. 267 об.–68; ПФ ИВ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 139. Л. 24.
- ¹⁶ Российский государственный архив (далее – РГИА). Ф. 23. Оп. 25. Д. 87. Л. 34.

- 17 ЦХАФ АК. Ф. 179. Оп. 1. Д. 129. Л. 11-14 об.; Юрганова К.В. От Улалы до Отхан-Хаирха-на: Путевой дневник. Томск, 1912. С. 3.
- 18 Даревская Е.М. Указ. соч. С. 239-240.
- 19 ПФ ИВ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 139. Л. 24.
- 20 Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1914–1915. Пг., 1914. С. 512.
- 21 Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции в Сибири. Т. 1. Кн. 2. Новосибирск, 1994. С. 63.
- 22 Сибирские вопросы. 1909. № 51–52. С. 25.
- 23 Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. М., 1969. С. 24.
- 24 Даревская Е.М. Указ. соч. С. 160.
- 25 Русский консул в Монголии: Отчет Я.П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства. Иркутск, 2001. С. 31.
- 26 Даревская Е.М. Указ. соч. С. 142.
- 27 Государственный архив Иркутской области (далее — АИО). Ф. 779. Оп. 1. Д. 36. Л. 16 об.
- 28 Русский консул в Монголии... С. 31.
- 29 Майский И.М. Через 600 лет // Русский разлив. Т. 2. М., 1996. С. 299.
- 30 ГАИО. Ф. 779. Оп. 1. Д. 36. Л. 16 об.
- 31 ПФ ИВ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 139. Л. 23 об.
- 32 Даревская Е.М. Алексей Васильевич Бурдуков. (О роли русских поселенцев в изучении Монголии) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. VI. М., 1963. С. 190.
- 33 Штейнфельд В. Справочник по городу Бийску и Бийскому уезду. 1911 г. Бийск, 1911. С. 4.
- 34 Галиева Р.Д. Барнаульская торговая школа. (К вопросу о коммерческом образовании в Сибири) // Предпринимательство в Сибири: генезис, опыт развития и перспективы. Красноярск, 1996. С. 251.
- 35 Журнал Особого междуведомственного совещания по русско-монгольским делам. Иркутск, 1913. С. 50.
- 36 Зомбарт В. Указ. соч. С. 256.
- 37 Потанин Г.Н. От Кош-Агача до Бийска // Древняя и новая Россия. № 6. СПб., 1979. С. 133.
- 38 ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 723. Л. 11.
- 39 Майский И.М. Через 600 лет... С. 300.
- 40 Зомбарт В. Указ. соч. С. 256.
- 41 Бурдуков А.В. Указ. соч. С. 107.
- 42 ПФ ИВ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 217. Л. 5–5 об.
- 43 Цит. по: Даревская Е.М. Сибирь и Монголия... С. 230–231.
- 44 ЦХАФ АК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 98.
- 45 Осокин Г.М. Московия на Востоке // Русский разлив. Т. 2. М., 1996. С. 199.

- ⁴⁶ Бурдуков А.В. Указ. соч. С. 70, 82.
- ⁴⁷ Там же. С. 84.
- ⁴⁸ Майский И.М. Современная Монголия... С. 207.
- ⁴⁹ Позднеев А.М. Монголия и монголы. Т. I. СПб., 1896. С. 261.
- ⁵⁰ Осокин Г.М. Указ. соч. С. 160.
- ⁵¹ Бобрин П.А. Монголия: Очерк торгово-промышленного и административного быта. Владивосток, 1914. С. 50.
- ⁵² ГАИО. Ф. 779. Оп. 1. Д. 36. Л. 14 об.—15.
- ⁵³ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д. 3212. Л. 188.
- ⁵⁴ Русский консул в Монголии... С. 100.
- ⁵⁵ ГАИО. Ф. 779. Оп. 1. Д. 36. Л. 14 об.
- ⁵⁶ Бобрин П.А. Указ. соч. С. 51.
- ⁵⁷ Майский И. Современная Монголия... С. 95.
- ⁵⁸ Цит по: Даревская Е.М. Указ. соч. С. 181.
- ⁵⁹ Ф.А. Парняков был активным поборником просвещения, в 90-х гг. XIX в. организовал в селах Иркутской губернии несколько школ для крестьянских детей, в 1905–1911 гг. являлся наблюдателем приходских школ Балаганского уезда и за свою деятельность был награжден серебряной медалью. В 1913 г. становится членом Восточно-Сибирского отдела РГО. Летом 1914 г. приехал в Монголию, где кроме религиозных дел активно способствовал созданию школ, библиотек и т.п. См.: Бурдуков А.В. Указ. соч. С. 392.
- ⁶⁰ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 723. Л. 2.
- ⁶¹ Осокин Г.М. Указ. соч. С. 181–182.
- ⁶² Бурдуков А.В. Указ. соч. С. 51.
- ⁶³ Даревская Е.М. Указ. соч. С. 230. Ганджир — атрибут буддийского храма, аналогичный кресту на православной церкви.
- ⁶⁴ Бурдуков А.В. Указ. соч. С. 58.
- ⁶⁵ Даревская Е.М. Указ. соч. С. 170.
- ⁶⁶ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 723. Л. 15.
- ⁶⁷ Там же. Л. 5–6, 27–28.
- ⁶⁸ Там же. Ф. 779. Оп. 1. Д. 36. Л. 15.
- ⁶⁹ Письма Г.Н. Потанина. Т. 3. Иркутск, 1989. С. 104.
- ⁷⁰ ЦХАФ АК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 230.
- ⁷¹ Даревская Е.М. Указ. соч. С. 158–159.
- ⁷² Алтай. 1912, 18 ноября.
- ⁷³ АВПРИ. Ф. Урга. Консульство. Д. 23. Л. 2.
- ⁷⁴ Там же. Ф. Китайский стол. Д. 2067. Л. 1–1 об.
- ⁷⁵ Там же. Д. 2067, 2075, 2087.
- ⁷⁶ ЦХАФ АК. Ф. 179. Оп. 1. Д. 130. Л. 30 об.—31; Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1913. СПб., 1913. Отд. II. С. 76.

- ⁷⁷ Мурзаев Э.М. Географические исследования Монгольской Народной Республики. М.—Л., 1948. С. 67–68, 74–75.
- ⁷⁸ Письма Г.Н. Потанина. Т. 3. С. 60, 75, 191.
- ⁷⁹ Записки ВСОРОГО по общей географии. Т. 1. Вып. 1. Иркутск, 1890. С. I.
- ⁸⁰ Мурзаев Э.М. Указ. соч. С. 62.
- ⁸¹ Письма Г.Н. Потанина. Т. 3. С. 61.
- ⁸² Позднеев А.М. Указ. соч. Т. 1. С. XXX.
- ⁸³ Мешалкин П. Купец «американской складки» // Былое. М., 1998, № 4–6. С. 16.
- ⁸⁴ Бурдуков А.В. Указ. соч. С. 12–13.
- ⁸⁵ Даревская Е.М. Указ. соч. С. 248.
- ⁸⁶ Нямдорж Б. Корреспонденции А.В. Бурдукова, связанные с историей Западной Монголии в начале XX века // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Томск, 2003. С. 169.
- ⁸⁷ Бурдуков А.В. Указ. соч. С. 10.
- ⁸⁸ Скубневский В.А., Старцев А.В. Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая. 1891–1917 гг.: Энциклопедия. Барнаул, 1996. С. 61.
- ⁸⁹ ЦХАФ АК. Ф. 179. Оп. 1. Д. 130. Л. 29 об.—31.
- ⁹⁰ Мешалкин П. Указ. соч. С. 16.
- ⁹¹ Боголепов М.И., Соболев М.Н. Указ. соч. С. 9.
- ⁹² Даревская Е.М. Указ. соч. С. 225.
- ⁹³ Каталог этнографических коллекций музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Ч. 2: Народы СССР (кроме Сибири) и зарубежных стран. Томск, 1980. С. 173–199, 226.
- ⁹⁴ Северный курьер. 1900, № 320.
- ⁹⁵ ЦХАФ АК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1 об.
- ⁹⁶ Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 2. Кн. 2. Новосибирск, 1995. С. 71–73; Даревская Е.М. Указ. соч. С. 229–232.
- ⁹⁷ Юрганова К.В. Указ. соч. С. 3.